

1. Сафонов Д.А. Патриотизм в современной России: вопросы и проблемы // Гражданственность и патриотизм в XXI веке: теория и практика. Екатеринбург, 2002. С. 196.
2. Великая победа советского народа. 1941–1945. М., 1976. С. 48.
3. Правда. 1941. 6 июля.
4. Товарищ комсомол. Документы съездов, конференций и пленумов ЦК ВЛКСМ. 1918–1968. Т. 2. М., 1969. С. 3.
5. Подсчитано автором по материалам архивов Свердловской, Пермской, Челябинской областей.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. 288. Оп. 1. Д. 1057. Л. 29.
7. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 1804. Оп. 1. Д. 5. Л. 16-25; Д. 6. Л. 1-35; Д. 7. Л. 10-30; Д. 8. Л. 1-27; Д. 9. Л. 2-17.
8. Государственный общественно-политический архив Пермского края (ГОПАПК). Ф. 1224. Оп. 1. Д. 20. Л. 2-23; Д. 21. Л. 3-11; Д. 22. Л. 18-19; Д. 23. Л. 2-37; Д. 24. Л. 1-11.
9. ГОПАПК. Ф. 6812. Оп. 1. Д. 2. Л. 2, 3, 5; Д. 3. Л. 37.
10. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 567. Л. 18.
11. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 567. Л. 3.
12. ЦДООСО. Ф. 61. Оп. 5. Д. 567. Л. 19.
13. ГОПАПК. Ф. 105. Оп. 12. Д. 291. Л. 24.
14. ГОПАПК. Ф. 105. Оп. 12. Д. 269. Л. 48.
15. ОГАЧО. Ф. 288. Оп. 44. Д. 39. Л. 140-141.
16. ОГАЧО. Ф. 92. Оп. 5. Д. 288. Л. 53.
17. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 2198. Оп. 1. Д. 11. Л. 19.
18. Правда. 1944. 20 октября.

Баранов Е.Ю.
(Екатеринбург)

Власть и горожане в условиях продовольственного кризиса начала 1930-х годов

Продовольственная политика в конце 1920-х гг. стала определяться курсом советского государства на форсированную индустриализацию. Обеспечение продовольствием населения, занятого в промышленности, на индустриальных стройках

становилось одной из приоритетных задач органов партийно-государственной системы власти. Но снабжение пострадало из-за невыполнения хлебозаготовок, развала внутреннего рынка.

Трудности с обеспечением населения продовольственными продуктами проявились в 1928 г. Недостаток хлеба привел к ограничению его выдачи в хлебных лавках и кооперативах. В уральских городах и рабочих поселках за хлебом образовывались очереди, доходившие до 1000–1500 человек. Горожане запасались хлебом, сушили сухари, делали запасы муки, круп, макарон. Частные торговцы, воспользовавшись ситуацией с дефицитом, повысили цены на муку. На почве недостатка и дороговизны продуктов имели место забастовки. В Нижне-Тагильском округе на кирпичном заводе Богословстроя 7 июня 1928 г. группа рабочих бастовала 20 часов. Именно с «хлебными затруднениями» информационный отдел ЦК ВКП(б) связывал увеличение прогулов, опозданий на работу, случаев ухода с работы. Массовые прогулы наблюдались на Челябинских копиях. Так, 25 мая на работу не вышло 517 человек, 27 мая – около 500, а в ночные смены не выходило до 40% рабочих. Аналогичная ситуация складывалась в Свердловском округе на Верхне-Уфалейском и Нижне-Уфалейском заводах, Арамилской суконной фабрике, Верхне-Уфалейских мраморных копиях (1).

Реакцией органов партийно-государственной системы власти на недостаток хлебопродуктов в городах стало введение их нормированного распределения среди городского населения. Нормирование первоначально оформлялось санкциями местной власти. В июне 1928 г. Уральский обком ВКП(б) установил нормы выдачи хлеба через центральные рабочие кооперативы рабочим и служащим, а также членам их семей. Также были инициированы меры по выявлению скрытых запасов хлеба у городских жителей (2). А 14 февраля 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о введении всесоюзной карточной системы на хлеб. Хлеб населению стал отпускаться по заборным книжкам, которые получало только трудовое население городов, устанавливался предельный размер хлебного пайка. В связи с перебоями в поставках продовольствия в 1928/29 г. в дополнение к хлебным карточкам стали распространяться нормирование и карточки на другие продукты: масло, мясо, сахар, крупу и пр. (3).

Нормированное снабжение городского населения продовольственными продуктами не стабилизировало ситуацию, так

как оно не соблюдалось вследствие плохой организованности аппарата снабжения и недостатка продукции, выпускавшейся местными предприятиями пищевой промышленности. На уральских предприятиях появилась текучесть рабочих кадров, среди основных причин которой находилось ухудшение снабжения и общественного питания. В октябре 1930 г. Магнитогорская РКК-РКИ выявила нарушения в обеспечении рабочих продовольствием. В городе не хватало столовых, качество обедов являлось неудовлетворительным, не было известно точное количество лиц, состоявших на общественном питании. Ежедневно без обеда оставалось от 100 до 300 человек. Местный хлебозавод не обеспечивал потребности населения в хлебе (4).

В июле 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) официально ввело карточную систему на мясо. Ассортимент торговли в 1930 г. в стране резко сузился и свелся к списку так называемых нормированных товаров: хлеб, мясо, рыба, крупа, растительное масло, сахар. Ненормированные продукты – сыр, колбаса, творог, конфеты, сметана и прочее – отсутствовали в кооперативах неделями или месяцами, а когда появлялись, то продавались по нормам (5).

Несмотря на нормированную продажу, продуктов в городах, промышленных районах не хватало. Рабочие и служащие жаловались на их недостаток, отсутствие, в особенности мяса и хлеба. Все больше в их разговорах слышалось слово «голод», говорили о голодании, грядущем голоде. В 1930 г. плохо снабжались продуктами питания рабочие Копейских рудников. В феврале один из рабочих в своем письме обвинял секретаря Копейской ячейки ВКП(б) в хищении пайков рабочих, писал о низкой заработной плате, о недостатке продуктов и больших очередях в кооперативах. Виноват в сложившейся ситуации, по его мнению, был секретарь партийной ячейки: «...нам приходится исключительно [питаться]... одним почти чаем, мяса кусок съесть нам нет никакой возможности, потому что его нет, а есть то вы даете как коту сто грамм... норма муки, которую вы даете, она не удовлетворяет... кроме муки, сахару вы больше ничего не даете. Мы голодные...» (6). Негативные настроения рабочих на почве продовольственного дефицита были зафиксированы в Златоустовском округе в марте 1930 г. В высказываниях содержалось недовольство властью: «Мяса и хлеба в кооперативе нет и купить стало негде, хотя бы по дорогой цене. Вот до чего дожили при советской власти, скоро с голоду подохнем» (Симский завод), «...нам

в конце месяца не хватает хлеба, работаем по 3 дня голодаем, на одном чае...» (Бакал, рудники), «...Передохнет весь народ с такой жизнью. Все стали наши-то больные, да хилые. Жиреть-то не с чего. Хлеб дают такой, что его раньше собаки не ели, да его не хватает на месяц» (Симский завод) (7). Рабочие и служащие в возникшем продовольственном дефиците обвиняли и центральную, и местную власть.

Эскалация продовольственной проблемы привела к введению в январе 1931 г. всесоюзной карточной системы на основные продукты питания и непродовольственные товары. Карточки выдавались только занятым в государственном секторе экономики (рабочим, специалистам и служащим промышленных предприятий, государственных, военных организаций и учреждений, совхозов), а также их иждивенцам. Снабжение тех, кто получил карточки, представляло сложную иерархию групп и подгрупп и зависело от близости к индустриальному производству (8).

Но регион продолжал испытывать серьезные затруднения со снабжением. Задерживалась выдача карточек. В закрытых рабочих кооперативах (ЗРК) и отделах рабочего снабжения (ОРС) не хватало продуктов, чтобы обеспечить весь персонал предприятия или организации. Советское руководство искало новые возможности продовольственного обеспечения горожан. В мае 1932 г. были легализованы колхозные рынки. Постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР была разрешена рыночная торговля сельскохозяйственной продукцией после выполнения установленных планов заготовок. В реальности сроки рыночной торговли не соблюдались. Крестьяне вывозили на рынок небольшие партии продуктов даже в период запрета их рыночной продажи (9). Организация колхозной торговли дала на рынке временное снижение цен на сельскохозяйственные товары. Однако, в начале 1933 г. тенденция к повышению рыночных цен возобладала. Квалифицированный рабочий вынужден был до 50% своего заработка тратить на покупку продовольствия на колхозном рынке (10).

Продовольственный кризис, обернувшись голодом для сельского населения, а также отдельных категорий горожан, достиг пика в 1933 г. В январе директор Уржумского сельскохозяйственного комбината в беседе с корреспондентом газеты «Пролетарская мысль» (Златоустовский район), указывая на тяжелейшее продовольственное положение рабочих, критиковал работу ЗРК, к которому принадлежал

комбинат: «Из года в год, из месяца в месяц безобразно поздно поступают продуктовые листки. Рабочие, питающиеся в столовой, сидят первые 4–5 дней полуголодные из-за несвоевременной выдачи карточек» (11). В Златоустовском районе рабочих, даже ударников, вовремя не обеспечивали печеным хлебом, мукой, крупой, сахаром, растительным маслом. Задержки в выдаче хлеба доходили до двух недель (12). Поставки хлеба в ЗРК и ОРСы были ниже установленных норм. Так, суточная потребность в хлебе рабочих доменного цеха металлургического завода определялась в 600–760 кг, а в ОРС доставляли только 300–400 кг. Рабочим ночных смен или не хватало хлеба, или ежедневно приходилось простаивать в очереди в ожидании хлеба до 10–12 часов дня (13).

Рабочие писали первому секретарю Уральского обкома ВКП(б) И.Д. Кабакову о недостаточном снабжении продовольственными продуктами и, прежде всего, хлебом, о том, что члены их семей не обеспечивались продуктами. По состоянию на 2 января 1933 г. рабочие Невьянского механического завода № 68 с 19 декабря 1932 г. не получали муки, печеный хлеб давали только на каждого рабочего по 800 грамм. За хлебом образовывались большие очереди. Рабочие ночных смен вынуждены были вместо дневного отдыха простаивать в очередях с 6 часов утра до 2–3-х часов дня. Рабочие завода жаловались на отсутствие жиров, овощей, круп, мяса, а также на низкую заработную плату, недостаточную для покупки продуктов у частных торговцев. Единоличники продавали молоко по 4 руб. за литр, тогда как рабочий зарабатывал 2 руб. 80 коп. в день. Члены семей рабочих не снабжались хлебом, и вследствие недоедания дети болели катаром желудка (*соврем.* – гастрит) (14).

Наиболее нестабильными в отношении снабжения профессиональными группами являлись учителя, медицинские работники, служащие, научные работники, студенты ВУЗов и техникумов, пожарники. В Троицком районе в первом квартале 1933 г. выдача продовольственных продуктов профессорам, научным работникам Уральского ветеринарного института, специалистам постоянно задерживалась и осуществлялась только 3–5 раз в месяц. Это создавало очереди и вызывало недовольство, или, как указано в докладной записке Троицкого райкома «вызывался ненужный нервоз» (15). В Чердыни в первой половине января 1933 г. в связи со снятием с продовольственного снабжения городского контингента имели место так называемые «волынки». Так, 8 января учителя не пришли

на конференцию, выдвинув требование «накормить». Служащие, пожарники, учителя с детьми, как указывалось в документе, «толпами» приходили в районные партийные организации и советские учреждения с требованиями обеспечить выдачу хлеба. Проверка снабжения учителей в Камышловском районе в октябре 1933 г. показала, что районным отделом снабжения не выполнялись нормы выдачи муки и крупы учителям, специалистам и их семьям (16).

Недостаток продовольствия, плохая организация снабжения, общественного питания являлись одними из основных причин текучести рабочих кадров на предприятиях в 1932–1933 гг. За январь–февраль 1932 г. из металлургического цеха Калатинского медного комбината ушли 237 человек, что связывалось с отсутствием продовольственного снабжения и невыплатой заработной платы (17).

Уральский обком ВКП(б) постановлением «О состоянии работы ОРСов» от 7 марта 1933 г. обязывал райкомы, горкомы ВКП(б) и директоров предприятий установить систематический учет движения рабочей силы и изъятия заборных документов у прогульщиков и увольняемых. ОРСам предлагалось улучшить снабжение ударников, сделать его первоочередным, выделить дополнительные фонды для снабжения ударников (18). Но постановления партийного руководства во многом были далеки от практики продовольственного снабжения и не могли исправить ситуацию при отсутствии реальных продовольственных ресурсов, предназначенных для снабжения населения.

Бригада ЦКК-РКИ в докладной записке в Президиум ЦКК, Коллегию ЦК РКИ от 12 марта 1933 г. об обследовании Челябинского ферросплавного завода констатировала в качестве одной из причин текучести кадров рабочих, служащих и технических специалистов на заводе неудовлетворительные бытовые и санитарные условия. Так, столовая на заводе не имела кухни, вследствие чего обед, состоявший из капусты и пшенной каши, подавался в термосах. Питание было низкокалорийным. В докладной записке упоминался случай отказа рабочих от еды из-за того, что щи подавались с червяками (19).

В апреле 1933 г. Москва сократила на 51 тыс. пайков контингент снабжения по Пермской железной дороге. Иждивенцы и дети рабочих двадцати шести предприятий, подведомственных отделу снабжения железной дороги, остались без пайков. Это семьи рабочих щебеночных, кирпичных заводов, черепичных, алебастровых,

известковых предприятий, каменных карьеров. Сто пятьдесят детей рабочих щебеночного завода № 4 станции Исеть Пермской железной дороги остались без карточек. Квалифицированные кадры уходили с завода. Рабочие вынуждены были продавать вещи, в том числе одежду, обувь, чтобы приобрести хлеб. Рабочие и их семьи голодали по несколько суток. Семьи из четырех, пяти человек питались одним обедом из одного блюда. Некоторые приобретали в свердловских кооперативах или в ларьке завода кофе, на рынке покупали отруби, которые стоили дешевле муки, и из смеси кофе и отрубей пекли водянистые лепешки, горькие на вкус. Школьники старших классов бросали школу и стали промышлять карманными кражами (20).

Ситуация с дефицитом снабжения предприятий и организаций не исправилась и летом 1933 г. Продукты в ЗРК и ОРСы поступали с большим запозданием и не полностью. В ОРСы хлеб часто поступал сырой, недопеченный. Не всегда такой хлеб возвращался на хлебозавод, иногда он выдавался рабочим.

В марте 1933 г. в условиях голода органы партийно-государственной системы власти идут на разрешение коммерческой торговли хлебом. С 15 сентября 1933 г. она разрешается в Свердловске, Магнитогорске, Челябинске, Перми. С 5 октября 1933 г. торговля печеным пшеничным и ржаным хлебом открывалась в Нижнем Тагиле, Златоусте, Надеждинске, Тобольске (21). Однако хлеба завозили недостаточно, отсутствовал его ассортимент. В магазины и ларьки часто поступал или один ржаной, или один пшеничный, причем последний не отвечал стандартам качества, и такой хлеб потребитель покупать отказывался. Днем в магазины и ларьки коммерческой торговли создавались очереди. Видимо, дневные очереди образовывались за счет приезжих из района, так как при вечерней торговле очереди отсутствовали. Горожане жаловались в партийные и государственные инстанции, что с введением коммерческой торговли снизилось качество хлеба, выдаваемого по карточкам, так он часто продавался сырой и недопеченный (22). В итоге, несмотря на получение дополнительной возможности приобретения хлеба в результате разрешения коммерческой торговли, отрицательным следствием данного шага руководства страны стало снижение его качества.

Еще одним источником приобретения продукции для населения городов являлся «черный рынок». Более развита была нелегальная торговля печеным хлебом. Но следует отметить, что в городах, где

была введена коммерческая торговля хлебом, «спекулятивная» торговля печеным хлебом заметно снизилась. Нелегальная торговля мукой в ноябре 1933 г. отмечалась в Шадринске, Кургане, Тюмени, Кудымкаре, Красноуфимске, Кунгуре, Осе, Первоуральске, Перми. Спекуляция наблюдалась на базарах Челябинска (овощи, молочные продукты, птица), Кунгура (хлеб, махорка), Камышлова (масло, яйцо), Березников (картофель), Воткинска (хлеб), Свердловска, Магнитогорска, Тагила и др. (23). Организация свободной продажи хлеба в ряде городов привела к ликвидации спекуляции хлебом.

Но ни карточная система, ни легализация колхозной торговли, ни разрешение коммерческой продажи хлеба не позволяли полностью решить продовольственную проблему горожан, быстро выйти из кризиса. Поэтому продолжались критика власти, обвинения руководства конкретных предприятий, учреждений, организаций в нарушении снабжения, жалобы в центральные и местные органы партийно-государственной системы власти, появления листовок с антисоветским содержанием, а также несоблюдение трудовой дисциплины, прогулы, текучесть рабочих кадров.

Однако, несмотря на задержки в снабжении продуктами питания по карточкам, недостаточное по количеству и составу питание, часто ниже установленных норм, городское население находилось в лучшем положении по сравнению с крестьянством, которое было исключено из системы снабжения. В то же время аграрная сфера стала основным источником продовольственных ресурсов, предназначенных для обеспечения потребностей форсированной индустриализации, в том числе и для перераспределения их среди горожан. Политика, направленная на максимальное изъятие сельхозпродукции из деревни, в результате которой крестьянские хозяйства теряли личные продовольственные и семенные резервы, не могла устраивать сельхозпроизводителей. Поэтому и недовольство крестьян аграрной и продовольственной политикой имело более активные формы проявления по сравнению с поведением горожан. С 1928 г. крестьяне в районах, испытывавших недостаток продовольствия, стали взламывать общественные амбары и распределяли хлеб и фураж между собой (24). Местные властные и силовые структуры фиксировали бегство крестьян из деревни, массовые выступления и демонстрации на почве отсутствия продовольствия, голода, акты «кулацкого террора», вплоть до угроз, избиений и убийств советских работников, поджогов их домов, а также поджогов общественных

амбаров и складов. Следует учитывать, что политика в отношении крестьянства носила в этот период репрессивный характер. И в этом проявлялся индустриальный курс советского руководства.

Реализуя установку на осуществление индустриализации в сжатые сроки, что само по себе обуславливало организационные трудности, сопутствующие форсированной трансформации, и, столкнувшись с кризисом снабжения населения продовольствием, советское руководство вынуждено было ввести нормированное распределение продовольственных продуктов, а затем карточную систему в городах с целью обеспечения индустриальных предприятий работоспособными кадрами. Недостаток продуктов, голодание населения приводили к росту социальной напряженности, антисоветских настроений, негативно отражались на производственной деятельности, что подрывало темпы индустриализации. Но советское руководство старалось поддержать население, занятое в промышленности, в том числе и продовольствием, поэтому по сравнению с крестьянами горожане находились в более комфортных отношениях с властью.

-
1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 31, 41–44.
 2. Там же. Л. 41, 60, 61.
 3. Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 1998. С. 67.
 4. Челябинская область, 1917–1945: Сб. документов и материалов. Челябинск, 1999. С. 144–145.
 5. Осокина Е.А. Указ. соч. С. 76.
 6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П–75. Оп. 1. Д. 724. Л. 126.
 7. ОГАЧО. Ф. П–317. Оп. 1. Д. 955. Л. 70, 71 об.
 8. Осокина Е.А. Указ. соч. С. 89, 90.
 9. Денисевич М.Н. Индивидуальные хозяйства на Урале (1930–1985 гг.). Екатеринбург, 1991. С. 61; Осокина Е.А. Указ. соч. С. 89, 150, 151.
 10. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 48.
 11. Пролетарская мысль. 1933. 4 января.
 12. Там же.
 13. Пролетарская мысль. 1933. 3 февраля.
 14. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 33, 34.
 15. Там же. Л. 87.

16. Там же. Л. 37, 154.
17. Хрестоматия по Отечественной истории (1914–1945 гг.) / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Щагина. М., 1996. С. 408.
18. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 32. Л. 104, 105.
19. Челябинская область, 1917–1945... С. 155.
20. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 197. Л. 92 – 96 об.
21. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 182. Л. 30, 31; Государственный архив Свердловской области. Ф. Р–88. Оп. 1. Д. 3307. Л. 61.
22. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 342. Л. 197, 198.
23. Там же. Л. 72, 72 об, 74.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 307. Л. 50, 56.

Бахтина И.Л.
(Екатеринбург)

**Внедрение комплексных программ ГУСа
в общеобразовательных школах
Уральской области в 1920-е гг.**

Осуществление реформирования системы школьного образования требует как изучения, так и переосмысления опыта, накопленного в советский период, анализа как позитивных, так и негативных его аспектов с целью применения его к новым историческим условиям.

Одной из задач развития современного школьного образования является совершенствование его структуры и содержания. В связи с этим в качестве основных принципов построения системы обучения следует выделить целостность, системность, интегративность. Разобщенность учебных дисциплин, отсутствие научной взаимосвязи, невозможность применять уже имеющиеся научные знания и умения в новых условиях может привести к тому, что у учащихся не сложится целостного представления об окружающем мире, о причинно-следственной зависимости событий, явлений, процессов, происходящих в жизни. В связи с чем в учебные планы общеобразовательных школ были введены интегративные учебные курсы, например, такие, как «Окружающий мир» в начальной школе, «Естествознание» и «Обществознание» в основной и средней. Практически во всех публикациях, посвященных данной проблеме речь идет о достоинствах интегративного обучения, оспаривать которые мы не собираемся. Действительно, в ходе процессов интеграции увеличивается объем и интенсивность взаимосвязей